

КОНФУЦИЙ

великое учение

с комментариями и объяснениями
В. Малявина, Е. Ямбурга, И. Канаева

размышление
без учения
опасно

учение
без размышления
не полезно

благородный муж
безмятежен
и свободен

низкий человек
разочарован
и скорбен

Философия на пальцах

Конфуций

**Великое учение. С
комментариями и объяснениями**

«АСТ»

около 500 г. до н.э.

УДК 355.4
ББК 68

Конфуций

Великое учение. С комментариями и объяснениями /
Конфуций — «АСТ», около 500 г. до н.э. — (Философия на
пальцах)

ISBN 978-5-17-105665-0

Конфуций жил две с половиной тысячи лет тому назад. Он не совершил гениальных открытий, но имя его стало подлинным символом народной мудрости, а слава о нем облетела весь мир и не меркнет до сих пор. В чем же секрет наследия Конфуция? Он был Учителем человечности в человеке. Начни исправлять мир с самого себя; прежде чем поучать других, позаботься о собственном совершенствовании, стань творцом культуры – вот главный завет философа. Он говорил, что самообладание, здравый смысл, скромность и усердие способны привести любого человека к вершинам мудрости, сделать его хозяином собственной судьбы. Не навязывая своей точки зрения, он подводил учеников к их собственной. И помог им стать настоящими людьми. Этому мы по сей день учимся у Конфуция. Все тексты книги снабжены подробными комментариями и разъяснениями.

УДК 355.4
ББК 68

ISBN 978-5-17-105665-0

© Конфуций, около 500 г. до н.э.
© АСТ, около 500 г. до н.э.

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Конфуций

Великое учение:

с комментариями и объяснениями

© В. Малявин, перевод, составление, предисловие, 2018

© Е. Ямбург, комментарии, 2018

© И. Канаев, перевод, комментарии, 2018

Предисловие

Череда поколений подобна одному человеку, который непрерывно учится.

Б. Паскаль

Человек, получивший от современников почетное прозвище Кун-фу-цзы, что значит «почтенный учитель Кун», а в Европе известный под латинизированным именем Конфуций, жил две с половиной тысячи лет тому назад в стране, удаленной от Европы на десятки тысяч верст. Он не сделал политической карьеры, не одержал громких побед на полях сражений, не поразил мир гениальными открытиями и, будучи очень скромным, даже не оставил потомкам письменных поучений. Но ему удалось то, о чем может только мечтать каждый человек, и в особенности человек учительствующий: слава о нем облетела весь мир, а на его родине, в Китае, память о нем и сегодня заявляет о себе неоспоримой наглядностью материальных предметов. В лежащем у подножия Шаньдунских гор городке Цюйфу, родном городе Конфуция, приезжему непременно покажут и старинную усадьбу рода Кунов, где живут прямые потомки – теперь уже в семьдесят восьмом поколении! – древнего мудреца, и могилу самого Конфуция. Нынче в Цюйфу каждый год проводят пышные празднества в честь первого Учителя Китая. Под грохот барабанов и завывания труб актеры, одетые в экзотические костюмы, с топорами и секирами в руках исполняют ритуальные танцы, которые доводилось видеть самому Конфуцию. И в воздухе, напоенном терпким запахом благовоний, звучат слова хвалебных гимнов величайшему мудрецу Китая:

Велик, велик, велик Конфуций!
Ему ведом вселенский путь вещей.
Он телом стал одним и с Небом, и с Землей.
О, Учитель десяти тысяч поколений!..

Если заслуги учителя определяются тем, насколько его жизнь, его опыт и мысли продлеваются в его учениках, то Конфуция и в самом деле можно назвать величайшим Учителем всех времен: имя его стало подлинным символом мудрости целого народа, а память о его жизни, о его неповторимой личности сохранилась до наших дней. В чем же секрет этой необыкновенной жизненности наследия Учителя Куна?

Ответ прост, но требует долгих размышлений: Конфуций первым в истории открыл человека; он был учителем человечности в человеке. До Конфуция на земле были только боги или потомки богов – цари, герои, божественные первопредки. Конфуций с простотой, достойной основоположника великой цивилизации, провозгласил: у человека нет лучшего призвания, чем осознать себя человеком и стать творцом культуры – единственной реальности, которая целиком и полностью создается людьми. И в этом усилии самоосознания, высвечивающего в жизни Прекрасное, Возвышенное и Должное, человек, по Конфуцию, не уступает богам.

Что же, согласно Конфуцию, делает человека подлинно человеческим, что очеловечивает человека? Не что иное, как способность осмыслять свою жизнь, судить самого себя, совершенствоваться всегда и во всем – способность, данная человеку от природы и все же реализуемая нами через непрестанное и многотрудное усилие. В ней сходятся и приходят к равновесию, друг друга обуславливая, природное и культивируемое, знание и действие.

Но усилие самосовершенствования, как всякая практика, всякое искусство, не может осуществляться на пустом месте. Оно требует своего материала, и материал этот, как хорошо

видел Конфуций, поставляет ему культура, еще точнее – культурная традиция, в которой запечатлен опыт совершенствования, самоочеловечивания многих поколений людей.

В деле учительства должно цениться в первую очередь не оригинальное, даже не умное, а просто долговечное, непреходящее, вечнопреемственное в нашем опыте. Воистину же неизбыточно всякое мгновение жизни, озаренное светом разума. Культура, по своей сути, есть жизнь, наполненная сознанием и сознательно прожитая; жизнь неумирающая, ибо она простирается в вечность. А творчество, способность человека к самообновлению, открытию новых горизонтов своего бытия оказываются в итоге лучшим залогом человеческого постоянства.

Конфуций был первым и, может быть, самым убежденным и последовательным защитником культуры в человеческой истории. Этим определено его значение как педагога.

Если верить преданию, Конфуций родился в 551 г. до н. э. от весьма экстравагантного брака семидесятилетнего воина-ветерана и семнадцатилетней девушки. Еще в раннем детстве он лишился отца и вырос в доме матери, познав нужду и бедность. Но он причислял себя к служилому сословию и мечтал о славе государственного мужа. Однажды, лет шестнадцати от роду, Конфуций даже явился на званый пир в дом одного знатного вельможи, но привратник прогнал его со двора, заявив, что хозяин не принимает у себя таких оборванцев. Будущий «наставник всех поколений» не смутился и не озлобился, а продолжал все с тем же упорством готовить себя к государственной карьере. И был вознагражден за свое усердие. Вскоре он получил должность смотрителя амбаров, а потом смотрителя пастбищ в своем родном царстве Лу. Со временем необыкновенная книжная эрудиция и превосходное знание старинных церемоний принесли ему известность при царском дворе, но сделать карьеру чиновника Конфуцию так и не удалось. Он был слишком прямодушен и искренен, чтобы выжить в обществе дворцовых интриганов. Несколько лет он провел в добровольном изгнании, сопровождая законного правителя царства. Позднее, уже занимая должность главного судьи царства Лу, он снова покинул родину, протестуя против неблагоприятного поведения государя. Четырнадцать лет Конфуций колесил по городам и весям, проповедуя принципы «доброго правления». Местные правители с почетом принимали знаменитого ученого, сочувственно выслушивали его и... вежливо выпроваживали. Никто из них так и не поверил словам Учителя Куна о том, что власть в этом мире дает не сила, а учение и добродетель. В конце концов Конфуций возвратился на родину и стал жить, как гласит предание, «в праздности», отдавая свое время ученым занятиям и воспитанию учеников.

Чего же добивался Конфуций? В чем черпал он силы противостоять нелегким жизненным обстоятельствам? Отметим, прежде всего, что жизнь Учителя Куна пришлась на время упадка династии Чжоу, когда страна распалась на множество самостоятельных уделов, а прежний жизненный уклад оказался поколебленным: в обществе усиливалось брожение, всюду зрели семена смуты и междоусобных войн. За пятьсот лет до Конфуция, когда чжоусцы завладели Китаем, их вожди объявили, что верховное божество, или Небо, дало им власть над миром за их несравненные доблести. Результатом этой попытки оправдать воцарение дома Чжоу стало быстрое обмирщение чжоуской религии. С легкой руки чжоуских летописцев древние мифы превратились в назидательные исторические повествования, ведь с точки зрения чжоуских идеологов люди сами предreshают свою судьбу. Возникло понятие Небесного Пути (тянь дао), которое обозначало исток мирового движения, судьбу всего сущего, стоявшую даже выше духов. Общения с божественными силами чжоусцы стали искать в самоуглубленности, нравственно оправдываемом самообладании. Так религия в чжоуской традиции постепенно заслонила этикой, жизнь праведная приобрела значение жизни правильной.

Впрочем, так было только в теории. В реальной жизни упадок авторитета старых богов вовсе не означал, что люди автоматически осознали собственную моральную ответственность. Конфуций был свидетелем острейшего кризиса традиционных духовных ценностей чжоусцев и испытал его последствия на собственном опыте. Он предложил свой, в общем-то, простой и

ясный рецепт восстановления былого порядка: каждый человек должен сам понять глубокий нравственный смысл древних установлений и претворить его в своей жизни. Власть, не подкрепленная добродетелью, разрушает общество. Тиран может водворить в государстве порядок, он даже может создать в стране видимость благополучия, привести к процветанию науки и искусства, но он никогда не сможет сделать людей счастливыми.

Итак, первый совет Конфуция для всех людей и на все времена: начни исправлять мир с самого себя; прежде чем поучать других, позаботься о собственном совершенствовании. Вот почему у Конфуция просто не было шансов добиться успеха в политике, которая прежде и превыше всего есть искусство манипулировать другими людьми. Но по той же причине он имел огромный успех в деле учительства и воспитания. В своем доме Конфуций открыл, кажется, первую в историю частную школу, где в разное время обучались несколько сотен учеников, из которых, по преданию, семьдесят «прославили свое имя».

Весь смысл деятельности Конфуция-политика и Конфуция-воспитателя сводился к восстановлению авторитета чжоуской традиции, в сущности, единственной культурной традиции, известной ему. Но как человек новой эпохи, как Учитель человечности Конфуций подверг серьезному пересмотру центральное для чжоуской культуры понятие «ритуала» (ли). Первоначально относившееся только к культовым поклонениям предкам и божествам, оно стало во времена Конфуция знаком мировой гармонии, средством нравственной самооценки человека, нормой красоты. По той же причине Конфуций со всей серьезностью относился к исполнению традиционных ритуалов: последние были в его глазах лучшим средством воспитания. Правда, значение их вовсе не сводилось к внешней обрядности. Ритуал для Конфуция был, повторим, только поводом к самопознанию; в своем пределе он был некоей предвечной, как бы эмбриональной, вечносущей – ибо всецело сознательной – формой всех мыслей и душевных движений, некоей бесконечной действенностью, предвещающей, предвосхищающей все события, подобно тому, как семя в известном смысле уже содержит в себе плод. Познать ритуал означает, по Конфуцию, «держат на ладони весь мир», ведь в нем хранится предвечная матрица культуры, или, что то же самое, «семена всех вещей». Познать ритуал – значит прозреть внутреннее, лишь чаемое нашим сердцем совершенство каждой вещи. Сущность же ритуала, согласно Конфуцию, лучше всего выражает музыка – самая искренняя, самая понятная нам вестница полноты и гармонии жизни.

Так, предложенное Конфуцием размышление о нравственной значимости ритуала приводило к открытию главенства безмолвия и покоя в качестве символов, другими словами, истока и условия – всех слов и действий. Истинный ритуал заявляет о себе не чем иным, как бездействием; он есть не предмет, не деяние, а Присутствие. Мудрому правителю, для того чтобы повелевать миром, требуется, согласно Конфуцию, недвижно «сидеть лицом к югу и не более того». Конфуций и сам однажды немало удивил своих учеников, заявив, что «не хочет больше говорить».

«Но если вы, Учитель, не будете говорить, что же мы передадим потомкам?» – спросили ученики. «Разве Небо говорит?» – ответил Учитель Кун. – А ведь времена года исправно сменяют друг друга, и все живое растет. Разве Небо что-нибудь говорит?»

Позиция Конфуция не означает отказа от учительства. Китайский мудрец не хочет, чтобы только его индивидуальный, частный голос заглушал все многообразие голосов мира. Он хочет говорить языком полноты бытия. Не нужно говорить там, где правда жизни сама светится в каждом новом впечатлении, каждом жесте, каждом чувстве, где сообщение о некоем предмете целиком стало сообщительностью, приобщением к внутренней правде жизни. Здесь нужно лишь позволить кристаллу жизни светиться своим таинственным внутренним огнем.

Мудрый прозрачен: сияние небес просвечивает сквозь него... Оттого Конфуций не был философом, который выстраивает свою «систему мысли», закрепляя за словами какие-нибудь особые, им самим установленные значения. Оттого же позиции Конфуция, при всем ее педан-

тизме, так свойственны ирония и даже добродушный юмор: не может не быть ироничным и шутливым тот, кто познал бессилие слова определить реальность и вместе с тем знает, что без слова человек не сделает себя человеком.

Акцент Конфуция на ценности безмолвия – это тоже часть, и очень важная, Конфуциева оправдания культуры. Он напоминает о том, что все явленное – это только метафора, «превращенная реальность». Но метафора неустранима в нашем восприятии, и в этом необходимое условие существования культуры, всегда оправдывающей декоративное, орнаментальное, иносказательное в жизни.

Культура, воспринятая под знаком метафоры, предстает царством теней, следов, отблесков незримого. В этом смысле культура в самом деле бессмертна. Пусть исчезнет галактика – культура как момент «самопревращения» бытия, игры сущности с собственной тенью останется.

Выскажемся еще определеннее: апология безмолвия у Конфуция – это не только не отказ от учительства, но и самое решительное, самое радикальное его оправдание. Ибо учитель потому и учитель, что он непонятен, непрозрачен для учеников, овеян аурой тайны. Безмолвие – признак разделения на посвященных и не посвященных, и мудрецы в Китае превыше всего ставили «обучение без слов», т. е. такое обучение, которое побуждает возвращаться вновь и вновь к домислимому, совершенно непосредственному и конкретному переживанию жизни. Перед смертью Конфуций говорил, что никто в мире не понял его. Вот, поистине, слова, достойные великого Учителя!

Становится понятным теперь, почему в наследии Конфуция такое огромное значение имеют именно материальные его атрибуты, декорум жизни Учителя. Быть причастным к Конфуциевой традиции – значит пребывать в «тени Учителя».

Главный источник для изучения взглядов Конфуция – книга, именуемая по-китайски «Лунь юй»). Ее прежний общепринятый перевод – «Беседы и суждения», но правильное переводить «Обсужденные речи» или даже «Выбранные речи». Она представляет собой сборник отдельных высказываний Учителя, записанных учениками уже спустя много лет после его смерти. Настоящий предмет этой книги – не доктрина, а сама личность Учителя или даже, точнее, та часть его личности, в которой воплощается воля мудрого к самоустранению всего субъективно-ограниченного в нашем опыте, приведению себя к согласию с мировым порядком. Но будем помнить, что, преодолевая все частное в себе, «Учитель всех поколений» на самом деле входит в жизнь, претворяет свое индивидуальное бытие в неумиряющее родовое тело жизни. Отсюда столь странное для европейца сочетание торжественного пафоса книги и малозначительности, порой шокирующей тривиальности упоминаемых в ней деталей из жизни величайшего мудреца Китая. Мы узнаем, к примеру, что Конфуций одевался скромно и практично: летом носил «холщовый халат, непременно надетый на легкую рубашку, чтобы соблюсти различие между верхним платьем и исподним». У себя дома он носил отороченные мехом халаты с обрезанным правым рукавом – так было удобнее и для ученых занятий, и для различных хозяйственных работ. Постясь перед жертвоприношением предкам, он обязательно надевал платье из самой грубой материи, ел самую грубую пищу и не сидел на своем обычном месте. А вот каких правил придерживался Учитель Кун за столом:

«Учитель не съедал весь поданный ему рис и все поданное на стол мясо. Он не ел прокисший рис и пищу, источавшую дурной запах. Он не ел плохо приготовленную пищу и никогда не кушал в неурочное время. Он не ел пищу, если она не была нарезана, как принято, мелкими кусочками, и не принимал пищу, лишенную подобающей ей приправы. Даже если на столе было много мяса, он всегда ел больше риса, чем мяса...»

Конфуций умел держаться просто, но с достоинством. В часы досуга, сообщают ученики, он был «радушен и весел». Если рядом кто-то запевал песню, которая ему нравилась, он охотно подхватывал. При случае, чтобы поддержать застолье, он не отказывался от чарки вина, но

«никогда не бывал пьян». Он даже не протестовал против веселых гуляний в дни деревенских праздников, резонно замечая, что у крестьян есть потребность время от времени отвести душу, ведь и «лук, если его держать всегда согнутым, теряет свою упругость». Однако, встретив человека, носившего траур, он неизменно «принимал торжественный вид» и был безупречно учтив даже с нищими слепыми музыкантами, которых люди из «хорошего общества» вовсе не замечали. Он никому не навязывал своего мнения, и в числе самых памятных качеств Учителя его ученики называют именно его деликатность. Но, когда обстановка того требовала, он проявлял необыкновенную мужественность и не терял присутствия духа даже в минуту смертельной опасности.

Надо сказать, что Конфуцию было нелегко стать для своих современников всеобщим эталоном благовоспитанности. Природа наградила его грузным телосложением и весьма экстравагантной, если не сказать уродливой, внешностью: над его некрасиво выпученными глазами нависал необычайно массивный лоб, его уши были чрезмерно длинными, нос – толстым и мясистым, а из-под вздернутой верхней губы выступали наружу два неестественно больших передних зуба. На темени у него от рождения была глубокая вмятина, дававшая пищу для бесконечных пересудов. Кроме того, Конфуций отличался необычайно высоким ростом, за что его в молодости даже называли верзилой. И тем не менее благодаря многолетней работе над собой Учитель Кун в свои зрелые годы сумел снискать всеобщую симпатию современников и стать настоящим законодателем хороших манер.

И еще одна примечательная черта: жизненные правила Учителя Куна, как мы уже могли заметить, проникнуты заботой о здоровом и гармоничном образе жизни. В поведении и привычках Конфуция мы не найдем никаких причуд, никаких болезненных слабостей, которыми так часто отмечен образ гения в западной культуре. Известно, что Конфуций даже в старости был превосходным стрелком из лука и отличался недюжинной физической силой. Со временем в Китае его стали почитать, помимо прочего, и как одного из зачинателей методик оздоровления.

На фоне такого исключительного внимания учеников Конфуция к любопытным, но, скажем прямо, не слишком примечательным нюансам повседневной жизни их Учителя становится еще заметнее отсутствие в составленной ими книге каких-либо систематических сведений об учении Конфуция и даже о его биографии. Авторам «Обсужденных речей» дороги каждое слово и каждый жест любимого наставника, для них в его жизни нет ничего незначительного – и это счастливо избавляет их от необходимости судить о «главном» и «второстепенном» в наследии Учителя. Они создали самый ранний в истории человечества портрет человека как он есть. Портрет настолько не приукрашенный и живой, что кажется даже не портретом, а как бы словесным слепком своего прототипа, явленным, подобно настоящему отпечатку тела на бумаге, в хаотической россыпи пятен, штрихов, нюансов тона. И эти блики потаенного света не столько выявляют некий внешний образ личности, сколько вызывают к глубине сознающего (следовательно, нравственного) сознания. Перед нами, если говорить точнее, портрет человека, претворяющего в опыт человечность, – общий для всех и каждому внятный. Правда бесед Учителя Куна с его учениками – это встреча сердец, всегда неожиданная и все же ожидаемая, мимолетная, но оставляющая о себе бесконечно долгую память. Это сама правда ритуала – события, нескончаемо воссоздающегося в потоке времени.

Так со страниц «Обсужденных речей» в нас входит образ человека, словно разрастающегося в людях и поколениях, извечно претворяющего себя в иную жизнь. Этого человека мало понимать. С ним нужно прожить жизнь – долгую, углубленную.

Если мы уловим присутствие в «Обсужденных речах» некоего затаенно-эмоционального подтекста, тех почти бессознательных чувств и порывов, которыми питается очарованная душа, если мы доверимся этому подтексту, мы поймем, почему авторы этой книги при всем их благоговейном внимании к деяниям и словам Учителя Куна остались равнодушны и к хро-

нологии, и даже ко многим ключевым датам его жизни. Дело в том, что в жизни Конфуция их интересовали не факты, а события, имеющие силу духовного воздействия, еще точнее – сама событийность разных жизненных миров, безмолвная встреча человеческих сердец. Из фактов складывается биография, из событий получается нечто другое – может быть, житие, может, драма, а может, серия анекдотов с назидательным выводом. Исторически словесная мозаика «Обсужденных речей» с ее краткими, часто маловразумительными сентенциями, обрывками разговоров, записями житейских случаев и проч. и в самом деле отлилась в две литературные формы: афоризм и анекдот. И то и другое указывает предел развития конфуцианской словесности, когда слово из сообщения о чем-то становится безмолвной – мечта Конфуция! – сообщительностью людских душ. Ведь афоризм и анекдот рождаются, собственно, из внезапно открывшегося понимания ненужности говорения. Они упраздняют сами себя, ибо сообщают о том, о чем говорить невозможно и не нужно.

Афоризм и анекдот – главное средство наставления у китайского Учителя, который хочет устранить себя для того, чтобы явить необозримую полноту жизни. Они равно чужды бесстрастности логического тезиса и пристрастности субъективного самовыражения. В сущности, они очерчивают пространство музыкальных созвучий мировой души, в котором пребывает символическое – всегда лишь чаемое – «тело» традиции.

При подготовке этой книги к печати соблазнительно было расположить изречения Конфуция и его учеников по отвлеченным тематическим рубрикам. Но в конце концов составитель решил сохранить традиционную, по виду «хаотическую» композицию книги. Такая композиция сама по себе имеет огромное воспитательное значение, ибо она-то и учит завещанной Конфуцием духовной «настройке слуха», помогающей с вниманием относиться к любой мелочи, прозревать неизменное и великое в как бы случайном и частном. Превыше всего она учит постигать сущность вещей в том, что кажется лишь побочным, орнаментальным. В усадьбе рода Кунов хранится старинный портрет Конфуция и двух его учеников, края и складки одежды которых выписаны крохотными иероглифами текста «Обсужденных речей». Трудно придумать более наглядную иллюстрацию сущности Конфуциева слова: скромного и практичного, как предметы домашнего обихода, сказанного всегда «к случаю», предназначенного быть усвоенным не просто умом, но сердцем, даже «всем существом», и притом слова-орнамента, прикрывающего, как всякое украшение, символическое тело предания...

Учитель, достойный своего звания, должен быть загадочен, в известном смысле даже непонятен для ученика. Настоящий учитель – это всегда тайна. Есть какая-то неизъяснимая тайна в стремлении создателей книги о Конфуции выхватывать в жизни Учителя ее самые обыденные, непритязательнейшие черты, подобно тому, как объектив бинокля выхватывает неприметные невооруженному глазу детали пейзажа. Внимательный и вдумчивый читатель узреет в самом факте фиксации этих простых житейских «случаев» свидетельства особенной чувствительности духа, знаки внутренних озарений, как бы пробуждений сознания, когда мы словно в первый раз видим знакомые вещи и с изумлением открываем мир заново. В конечном счете эти тонкие узоры многоцветного полотна внешней жизни приоткрывают нам таинственную глубину жизни внутренней, где бесчисленные творческие метаморфозы свершаются в светлосном и безмолвном, как само Небо, просторе сознания, открывшегося полноте бытия, полноте символической, которая сродни невообразимому совершенству музыкальной гармонии. И недаром Учитель Кун более всего ценил в своих учениках способность «по одному углу квадрата опознать три остальных», за единичным событием увидеть вечносуший Путь.

Конфуций как раз и обозначал эту просветленную, сверхприродную жизнь сознающего сердца понятием *тянь*, что означает «небо». Небо для Конфуция – внутренняя реальность, и притом вмещающая в себя всю бессмертную «мудрость предков». Именно Небо, по утверждению самого Конфуция, даровало ему знание просвещенной жизни – *вэнь* (этот термин обычно

передается в европейских языках словом «культура»). Небо, в понимании Учителя Куна, – это среда и сила жизненного творчества, беспредельное поле человеческой общительности.

О «небесной» тайне в своей судьбе Конфуций говорил неохотно, все больше намеками. Но он любил повторять, что «жизнь во имя Неба» требует особой и, надо сказать, малознакомой европейцу аскезы, которую можно назвать аскезой культуры. В формах культурной традиции он искал свидетельства самозабвенно-вольного парения духа. Ученики Конфуция сохранили известие о том, что их Учитель, услышав однажды звуки древней музыки, «три месяца кряду не чувствовал вкуса мяса». Сам Конфуций называл себя человеком, который «спит, подложив под голову локоть вместо подушки, и так поглощен учением, что не замечает надвигающейся старости». Наконец, Учитель, достойный этого звания, не просто знает заветы древних, но умеет «хранить тепло» древности, иначе говоря – внутренне, интимно соприкасается с «небесным» апофеозом жизни.

Сияние «небесной» мудрости опознается только по отблескам его в земной жизни. Истинный мудрец говорит лишь через своих преемников. Мы не можем «читать Конфуция» (который ни слова не написал от своего имени); мы можем только читать о Конфуции и благодаря Конфуцию. Но и сам Учитель лишь сообщает об истине, высказываясь по тому или иному поводу. «Излагаю, а не сочиняю. Верю в древнее и люблю его» – гласит одно из самых знаменитых изречений первого мудреца Китая. Правда традиции не принадлежит даже ее творцу. Эта правда предвечна, всегда уже задана мысли и опыту. Всякое слово – лишь тень и отблеск ее незримого тела. Самое имя «Конфуций» есть обозначение того, кто первым вступил в безначальный и бесконечный поток «небесного» бытия; кто первым открыл нравственную природу сознания и постиг свое бессмертие в самом акте общительности людских сердец. И поэтому правда традиции – не идея, не вещь, не кумир, а лишь выверенное, правильно ориентированное движение. Она есть подлинно Путь (*дао*) всего сущего. Жизнь же в правде есть вечное учение: поиск направленности своего пути, органически – цельное произрастание души.

Да, «учение» Конфуция есть только его жизнь и ничего более. Но это жизнь, не вмещающаяся в биографию, в «описание жизни». Словно музыкальный аккорд, она навеивает память о незапамятном и наполняет сознание ликующей радостью неисповедимых перемен...

Конфуций сам поведал о своем *пути очеловечивания* в следующих словах:

«В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учению.

В тридцать лет я имел прочную опору.

В сорок лет у меня не осталось сомнений.

В пятьдесят лет я знал веленье Небес.

В шестьдесят лет я настроил свой слух.

А теперь в свои семьдесят лет я следую зову сердца, не нарушая правил».

Загадочные и все же простые слова. Слова, вместившие в себя весомость человеческой судьбы и потому не нуждающиеся в риторических красотах. Исповедь, высказанная чуть ли не с протокольной аккуратностью, но обозначающая вехи сокровенного пути человеческого сердца. Пожалуй, более всего в ней удивляет то, что духовный рост Конфуция сливается с ритмом биологических часов его жизни, что моменты внутренних прозрений отмерены общепризнанными рубежами общественного мужания человека: пятнадцать лет, тридцать, сорок... По Конфуцию, человек умнеет, как идет в рост семя – неостановимо, произвольно и нескончаемо: нет предела совершенству. Это органическое мужание духа не знает ни драматических поворотов судьбы, ни каких-либо «переломных моментов». Но оно, конечно, не приходит само по себе, а требует большого мужества, ибо предполагает способность постичь свою границу, превозмочь себя, прозреть неизбывное в «прахе мира сего». Мудрость Конфуция – это смыкание духа и тела в бытии культуры как жизни вечнопреемственной. Она есть свобода, но свобода выверенная, безупречная, ибо целиком нравственная.

Но что же связывает эти на первый взгляд совсем разные состояния души Конфуция: «прочная опора», «отсутствие сомнений», «чуткий слух»?... Мы знаем лишь исход Конфуциева совершенствования: безукоризненная и, кажется, именно поэтому всегда незаконченная, открытая в будущее гармония чувств и рассудка, естества и искусности. Гармония, выработанная многолетним усилием воли, но ставшая уже «второй природой». А вот содержание этого усилия и есть «небесное» бытие – вечно живой момент духовного пробуждения. Конфуций никогда не говорил о таких вещах прямо. Но однажды он заметил, что стал знаменитым Учителем не потому, что много знает, а потому, что все его наставления «пронизывает одна нить». Таков главный завет первого мудреца Китая: стянуть человеческую жизнь в одну нить судьбы.

Сегодня мы можем сказать, что Учитель Кун впервые в Китае, а может быть, и во всем мире показал значение символического языка культуры для образования и воспитания человека. Это значение раскрывается в двух основных измерениях.

Во-первых, в формах культуры воспроизводится матрица человеческой практики – как материальной, так и духовной. Усвоение этих форм, представляющих собой плоды типизации человеческой деятельности, позволяет ученику реально претворить в своей жизни символическое «тело» традиции и обрести бессмертие в бытовании культуры. Именно такой характер, заметим, носило традиционное обучение в Китае, заключавшееся в усвоении учеником репертуара типовых форм того или иного искусства: художнику надлежало усвоить типовые элементы картины, музыканту – закрепленные традицией аккорды, и в любой жизненной ситуации ученому человеку полагалось соблюдать соответствующие нормы поведения. Ученость, таким образом, была неотделима от воспитанности и обладания хорошим вкусом. Требование усвоить матрицу всех действий обеспечивало фундаментальный характер самого обучения, а фундаментом всего воспитания и обучения оказывалось взращивание моральной воли в ученике. Человеческая личность, или, точнее, жизнь, вечно бодрствующее (и, следовательно, моральное) сердце в Конфуциевой традиции первично и важнее отвлеченного знания. Отсюда известное китайское изречение, гласящее: «В руках хорошего человека плохой метод становится хорошим, а в руках плохого человека и хороший метод плох».

Во-вторых, обучение, согласно Конфуциеву «проекту», предполагает познание ценности культуры как *декорума* бытия. Педагогический гений Конфуция сказался, быть может, более всего в его понимании несостоятельности и бесплодности всякой заданности и декларативности в обучении. Претензия учителя на обладание истиной, мнимая многозначительность суждений, плоское резонерство неизбежно приводят к догматизму и способны вызвать в ученике лишь протест против истин, которым его обучают. Человека нельзя «выковать» по какому-то заданному плану: реальные результаты такой «ковки» окажутся противоположны задуманному. Конфуций (и свидетельством тому является уже сам текст «Обсужденных речей») учил открывать главное через частное, важное – через незначительное, вечное – через случайное. Он умел избежать насилия над учеником. Но в широком смысле успешно обучать способен лишь тот, кто умеет, говоря об одном, открывать другое – не изреченное в словах. Конфуций и сам говорил, что он берет в обучение лишь тех, кто способен «понять три, когда им указывают на одно». Только так обучение не закрепощает ученика, а наоборот, делает его свободным.

В широком смысле обучение, по Конфуцию, преследует цель развить духовную чуткость, чувствительность ученика: последний, усваивая формы культуры, научается не только видеть в них плоды духовного подвижничества человека, но и ценить уникальность каждого нюанса опыта. Конфуций открыл одну великую истину: только подлинно образованный человек может сделать мир свободным, ибо ему доступно понимание неповторимости, уникальности каждого мгновения осознанной жизни, каждой человеческой личности, каждого места, о котором можно сказать: «Здесь был человек».

Как ни скупы, ни отрывочны записи «Обсужденных речей», они позволяют составить общее представление о педагогическом методе Конфуция. Надо сказать, что этот человек,

так радевший о возрождении древних порядков, внес в дело обучения немало нового. Пожалуй, более всего поражает его радушие: знаменитый Учитель не без вызова заявлял, что готов принять в ученики всякого, кто принесет ему в качестве платы за обучение «связку сушеного мяса». Прежде в Китае учительствовали исключительно высокопоставленные чиновники, которые брали в учение только детей из знатных семейств. Конфуций первым стал обучать простолюдинов, почти не имевших надежды поступить на царскую службу. Он любил повторять:

«В обучении не должно быть различия между людьми».

Таким образом, Конфуций впервые в истории стал ратовать за равенство всех людей в обучении, за предоставление всем равных возможностей учиться. Это поистине революционное новшество стало возможным потому, что Конфуция интересовало не происхождение его учеников, не их жизненные планы, даже не их способности, а прежде и превыше всего – сами эти ученики как личности. Его интересовало просто человеческое в человеке. Он никогда не судил о людях, если не встречался с ними лично и не мог сам составить о них суждение. Поднявшись выше сословных предрассудков и всех предубеждений о человеке, он пришел к одной простой истине – истине настолько здравомысленной и всеобщей, что в наши дни она стала одним из девизов ЮНЕСКО:

«По своей природе люди друг другу близки, а по своим привычкам друг от друга далеки».

Итак, в человеке Конфуция интересовал сам человек. Этим обуславливаются особенности его учительского метода. По традиции в школах чжоуского Китая изучались так называемые «шесть искусств», потребные молодым аристократам: чтение, счет, музицирование, правила хорошего тона и воинские искусства – стрельба из лука и езда на боевой колеснице. Конфуций, конечно, нисколько не подвергал сомнению традиционную программу образования, ведь в ней воплощались неумирающие ценности столь любимой им «древности». Он и сам был одним из самых начитанных людей своего времени, прекрасно владел счетом и был отличным стрелком из лука. Но он же был и заклятым врагом всякой формалистики и всякого техницизма в обучении. Учитель Кун совсем не был похож на хорошо знакомый всем нам образ преподавателя-профессионала, который является в класс по часам, чтобы преподать учащимся «знание предмета», а в остальное время живет своей личной жизнью, порой очень далекой от того, что он проповедует в классе. Главный завет Конфуция: будь мастером не ремесел, а собственного сердца, постигни смысл жизни в самоуглубленной работе сознания, для которой не требуются ни технические орудия, ни власть, ни даже признание общества.

Для Конфуция учение настолько сливалось с жизнью, что зачастую трудно понять, где в его школе кончается одно и начинается другое. Юноши, по обычаю поклонившиеся ему как отцу-наставнику и поднесшие в знак преданности подарки, приходили в дом Учителя на целый день, а часто постоянно жили в нем, помогая по хозяйству. Не существовало ни установленных часов для занятий, ни программы обучения, ни чего-либо похожего на экзамены. Обычно с раннего утра, сразу после завтрака, ученики собирались в главном зале учительского дома, где хозяину полагалось встречать гостей. Поклонившись Учителю, ученики рассаживались друг против друга вдоль западной и восточной стен комнаты, а Учитель садился между ними перед северной стеной, где находился алтарь предков – самое почетное место в доме. В погожие дни он выходил во двор и усаживался в тени любимого абрикосового дерева (отчего его школа получила в истории название «Абрикосовый алтарь»).

Конфуций не читал лекций, не проверял знаний учеников, даже не толковал древние книги. Он обучал и воспитывал посредством свободной беседы, более непринужденной, чем философские диалоги Сократа, но отнюдь не бездумно-поверхностной, а рождаемой опытом постижения человечности в человеке, осмысленной и нравственной в каждом ее слове. Говорил лаконично, весомо, с какой-то ненавязчивой, но неоспоримой убедительностью. Иногда он отвечал на вопросы, изредка спрашивал сам, а чаще молча слушал разговоры учеников.

Никаких споров ради познания истины, никаких умствований с целью вывести «общие правила» мудрой жизни; участники этих занятий только сопоставляли и размышляли, стараясь извлечь для себя урок – для каждого свой. Постоянной спутницей занятий была музыка – этот прообраз «небесного» ритма бытия, – которая связывала собеседников незримыми узами гармонических созвучий, очищала от мирской пошлости, дарила отдохновение от споров и размышлений. Конфуций не оставлял учительской деятельности и во время своих странствий, в которых его всюду сопровождали самые верные ученики. Конфуций не считал своей задачей преподавание каких-либо специальных и технических знаний. Однажды он даже рассердился на ученика, спросившего его о чем-то по части земледелия, и посоветовал обратиться к старому крестьянину – уж тот-то наверняка знает лучше! Учитель Кун занимался не тем господствующим ныне видом обучения, который принято называть «функциональным», а духовным ростом личности: задача его учительства – выправление всех движений человеческой души, самопроизрастание человека. Для него обучение находит себе пищу во всякой жизненной ситуации, всяком нечаянном чувстве, каждой мысли – во всех тех многозначительных случайностях, из которых складывается осмысленно прожитая жизнь. Он, конечно, не отказывался от усилий познания, но ему был чужд интерес к отвлеченным, логически выводимым истинам. Он учил не столько правильно мыслить, сколько правильно действовать и даже, если угодно, правильно чувствовать. Он выводил знание из жизненного опыта и не видел в нем никакой ценности, если его нельзя было к этому опыту приложить.

«Наверное, есть люди, которые берутся за дело, не обладая знанием, но я такой ошибки не делаю, – говорил он. – Я внимаю всему, что слышу, и следую всему доброму из того, что услышал. Я всматриваюсь во все, что происходит вокруг, и следую всему доброму из того, что увидел».

Еще более известное изречение Конфуция гласит:

«Даже в обществе двух человек я непременно найду, чему поучиться. Достоинствам их я буду подражать, а на их недостатках сам буду учиться».

Конфуций не уставал повторять, что простейшие жизненные добродетели – самообладание, здравый смысл, скромность, усердие – способны мало-помалу привести любого человека к вершинам мудрости, сделать его хозяином собственной судьбы. Путь Конфуция до предела разумен и естествен: на пути нравственного совершенствования нужно исходить из того, что нам задано семьей, обществом, всей культурной традицией, что, по слову самого Конфуция, «лежит поблизости». Воспринимая то, что задано нам самой жизнью, нужно искать смысл явлений, постепенно расширяя свое понимание на весь мир. Понимание же природы вещей развивает в нас способность критически оценивать себя и тем самым – преобразаться самим. Великие свершения начинаются с малых дел.

Учение по Конфуцию – занятие в высшей степени естественное. По собственному, слегка ироничному замечанию Конфуция, он учил людей «входить в комнату через дверь». Разве нужно объяснять людям пользу дверей? Тем более были непонятны Учителю Куну те, кто отворачивается от очевидных истин. «Того, кто отвергает правила, а сам живет несправедливо, – говорил он, – кто не имеет знаний, а в себе уверен, кто ничего не умеет, но не ищет надежных друзей, я совершенно не могу понять».

Загадка Конфуция, загадка неиссякаемой жизненности его наследия как раз и состоит в том, что Учитель Кун не учил «ничему особенному». Чтобы понять учительское кредо Конфуция, нужно пойти дальше школьных регламентов и научиться жить сокровенным единением людских сердец – материи настолько деликатной и интимной, что она не укладывается ни в какие определения и прячется под покровом иносказаний, недоговоренности, иронии. Никакие доказательства и опровержения, никакие похвалы и запреты не могут ничего изменить в этой внутренней правде человеческой жизни. Всякий, кто искренне желает стать учеником и искать причастности к опыту человеческой общительности, заслуживает внимательного и

радушного обращения. Учитель не может унижать его подозрительностью, мелочной опекой, разговорами о пустяках, суетливым репетиторством. Равным образом учитель не обязан выделяться необыкновенной эрудицией и благочестием – ему следует делать лишь то, чему и другие смогут подражать. Ибо человека делают учителем не обширные познания и не мастерство само по себе, а умение точно выбирать слово, жест и поступок действовать всегда «ко времени». Речь идет, в сущности, о тонком чувствовании человеческой общительности. Мудрый умеет быть заодно с другими, не уподобляясь никому. Он живет творчески – в духе изречения Конфуция:

«Хороший человек не будет идти там, где уже прошел другой». Постаревший и предавшийся возвышенной «праздности» Учитель стал время от времени предлагать ученикам новое занятие, которое получило название «отпускать на волю свои думы». Он просил учеников рассказать об их заветных мечтаниях: что бы они сделали, если бы... если бы могли делать то, что хотели. Вроде бы праздный разговор о том, чего нет и даже, пожалуй, быть не может, а все-таки есть немалая польза и в фантазиях, если они помогают людям лучше понять самих себя и поверить в свои силы. Более того, нельзя обойтись без воображения там, где, как в школе Конфуция, много говорится намеком, и мысль всегда должна идти «дальше слов». Мудрый Учитель Кун знал: чтобы воспитать человека, нужно только помочь ему развиваться свободно.

К сожалению, даже в «Обсужденных речах», составленных учениками Конфуция уже спустя десятки лет после смерти Учителя, крайне скупо и бледно отображена эта атмосфера почти не требующего слов искреннего и доверительного общения, единения родственных сердец, совместного поиска истины. Эта хрупкая, тихая музыка просвещенной жизни и составляла главный секрет Конфуциевой школы. Во всяком случае, внимательное чтение этой книги позволяет увидеть в Конфуции отнюдь не догматика и педанта, а человека, наделенного тем недюжинным чувством юмора и вкусом к иронии, которые всегда сопутствуют *живому* творчеству и подлинно дружеским отношениям. В позднейшей традиции этот безмолвный подтекст Конфуциева обучения был и вовсе утрачен. Неповторимое обаяние Конфуция-наставника угасло. Его заслонили хрестоматийно-холодные образы доктринера, моралиста, мудреца-сверхчеловека, даже мистического «тайного царя» мира... Все же текст «Обсужденных речей» со всей ясностью свидетельствует о неизменно дружелюбном и уважительном отношении Конфуция к ученикам, его способности прощать ученикам их слабости, даже их проступки, если за ними нельзя было усмотреть злого умысла. «Нельзя относиться свысока к юным, – говорил Конфуций. – Как знать, может, став взрослыми, они прославят свое имя на весь мир!» Только тот, кто к сорока годам ничего не добился в жизни, достоин, по мнению Конфуция, осуждения. Любовь к молодому поколению не мешала Конфуцию предъявлять ему высокие, неслыханные в то время требования к тем, кто приходил к нему за наукой. Не раз он повторял, что считает годными к обучению только тех, кто «изо всех сил» стремится познать праведный Путь и при этом умеет думать сам. Он отказывался тратить время на бездарей и лентяев. Он не любил тех, кто учился ради собственной выгоды, чинов, богатства или славы, – хотя и признавал со свойственным ему здравомыслием, что в мире «трудно найти человека, который мог бы отдать три года жизни учению, не позволяя мечтам о наградах завладеть собой». И еще он считал ниже своего достоинства говорить с тем, кто, вступив на стезю учения, стыдился своей бедности, для благородного человека позорно зависеть от так называемого «мнения света». Он всегда отдавал предпочтение тем ученикам, которые умели жить внутренним усилием воли и не рвались демонстрировать миру свои знания и таланты. Его любимцем был Янь Юань – очень бедный, очень скромный и очень усердный в учебе юноша. К великому огорчению учителя Янь Юань умер молодым, не сумев стать продолжателем его дела.

Как бы там ни было, Конфуций с самого начала уповал на добрую волю самих учеников, справедливо полагая, что заставить учиться силой невозможно. Его бережное обращение с учеником особенно выделяется на фоне чрезвычайно ритуализированного быта людей его

круга, да и его собственных, весьма педантичных манер. Он умел быть деликатным: без обидных выговаривая ученикам за их промахи и недостатки в беседах с глазу на глаз, он всегда брал их под защиту перед посторонними. Но он знал и самое могучее средство завоевать преданность учеников: самоотверженно служить своим идеалам. Разве не показал он собственной жизнью, как можно добиться почета и славы не наследственными правами и лестью, а единственно усердием, честностью, талантом, жаждой знания? Выходец из низов, к тому же, как мы уже знаем, наделенный далеко не привлекательной внешностью, он сумел завоевать репутацию образованнейшего человека и лучшего знатока хороших манер.

Признавая с готовностью свое несовершенство, Учитель Кун не отказывал себе только в одной добродетели: любви к учению. «В любом селении с десятков домов найдутся люди, не уступающие мне в добродетели, но никто не сравнится со мной в любви к учению!» – говаривал он. Конфуций первым стал учить других самым трудным, но и самым возвышенным способом – собственной жизнью. И еще он умел быть справедливым: он мерил всех учеников единой мерой – успехами в учении. Исключения он не делал даже для собственного сына и с горечью признавал, что тот не оправдал его надежд.

Конфуций учил... учиться. И не более того. Да большему и нет нужды учить: взрослый человек, даже не обладая выдающимися талантами, за короткий срок освоит любую науку. А вот для того, чтобы научиться воистину быть, требуются многие годы, если не вся жизнь. Впоследствии ученики Конфуция сошлись в том, что их Учитель обучал четырем вещам, «словесности, благонравному поведению, преданности и доверию». Образованность и учтивые манеры – верная примета возвышенности духа, которой требовал от своих учеников Учитель Кун. А взаимная преданность учителя и ученика, их безмолвно доверительное общение, их совместное вслушивание в музыкальный поток жизни как раз и составляли подлинный смысл и цель учения по Конфуцию.

Какие же качества нужны учащемуся, чтобы осуществить педагогический «проект» Конфуция? Прежде всего, воля к учению, к совершенствованию себя. Этой волей держится всякое искусство и сам ритуал, который являет собой не что иное, как безупречный жест, четко выверенное действие. Вспомним, что Конфуций, по его словам, к тридцати годам «имел прочную опору». Именно в воле к совершенствованию человек обретает полную внутреннюю самостоятельность, становится неприступным и неуязвимым для всех внешних сил. «Даже могущественнейшего полководца можно лишить войска, но даже последнего простолюдина нельзя лишить его воли», – не без иронии говорил Конфуций. Даже смерть не властна над человеком, обладающим волей к «превозмоганию себя», изживанию в себе всего субъективного и преходящего. Конфуций и сам являл образцы редкого мужества и самообладания в минуты смертельной опасности. Предание гласит, что однажды он вместе с учениками был окружен враждебным войском и несколько дней ничего не ел. В конце концов ученики стали сетовать на то, что их «довели до крайности», но Учитель, продолжавший как ни в чем не бывало читать книги и играть на лютне, оборвал малодушных, сказав. «Благородного мужа можно довести до крайности, но из него нельзя сделать ничтожество!»

Если бы мы могли спросить Учителя Куна, откуда берется в человеке воля к совершенствованию себя и почему в учении нужно следовать непременно чжоуским обрядам, он, скорее всего, просто не понял бы нашего вопроса. Может быть, добродушно улыбнувшись, он ответил бы, что с таким же успехом можно спрашивать у рыбы, почему она живет в воде. Для Конфуция чжоуская культурная традиция была не только единственной на Земле, но и единственно возможной. А что касается происхождения воли, то тут Конфуций мог бы заметить, что сознание не может не стремиться все осознать и что призвание человека – очеловечить себя...

Свой человеческий идеал – человека, очеловечившего себя, – Конфуций обозначал словом «цзюнь цзы», которое в русской литературе обычно переводится как «благородный муж». Главная черта благородного мужа, по Конфуцию, – способность быть полновластным госпо-

дином самого себя. Это человек высоких моральных качеств, образованный и воспитанный, умеющий совместить культивированность и естественность – аристократ не столько по крови, сколько по духу. Он не ведает страха и спокойно принимает удары судьбы, ибо знает, что всегда служил добру и его совесть чиста. Он «ничего заведомо не отвергает и не одобряет в мире, но в каждом деле берет мерой должное». Им нельзя распоряжаться как вещью или орудием. Ему легко повиноваться, потому что он требует от других только то, что им доступно, но ему трудно угодить, ибо он ценит людей не за услуги, ему оказанные, и даже не за их профессиональные качества, а единственно за бескорыстное служение правде. Он не стремится быть как все, презирает стадность и ни с кем не вступает в сговор, но умеет ладить со всеми и без усилий держит людей в поле своего притяжения. Привлекает же он людей тем, что живет не для себя и не для своей славы. Вообще же Конфуций мудрец идет в жизни «срединным путем»: он держится неприметно, но ничего не утаивает; его жизнь скромна, но свободна от обыденщины, безмятежна, но исполнена духовной углубленности, непритязательна, но лишена суетности. У благородного мужа есть антипод – так называемый низкий человек (сяо жэнь). Таков тот, кто в своих поступках руководствуется лишь соображениями личной выгоды, кто повсюду ищет сообщников, но не уважает ни окружающих, ни себя, кто домогается милостей, а получив желаемое, забывает о благодарности. Заискивающих перед «общественностью» Конфуций откровенно презирал. «Любимчик деревни – вор добродетели» – гласит одно из самых язвительных его изречений.

Взращивание в себе воли выводит человека за пределы его индивидуальной жизни, укореняет его в вечности. В усилии самоосознания человек становится причастным к нескончаемому потоку одухотворенной жизни. Оттого же, согласно Конфуцию, человек может быть учителем не потому, что он все знает или даже знает что-то особенное, а потому, что он «знает, где остановиться», знает пределы своего знания, так сказать, знает незнание. И сам Конфуций учительствовал, не претендуя на высшую мудрость, а лишь обладая «волей знать». Тот, кто стремится познать границы своего знания, неизбежно испытывает, по Конфуцию, чувство стыда, но этот стыд – принадлежность внутреннего созерцания мудреца, и он не имеет отношения к этикетной стыдливости. «Ученый, стыдящийся своей одежды! Я не знаю, о чем тут можно говорить», – заметил как-то Учитель Кун.

Знать пределы знаемого, быть сообщительным с неведомым истоком своего бытия означало, согласно Конфуцию, знать свою Судьбу и научиться «радоваться Небу», ведь таким образом человек прозревал бездонную, всеобъемную и возвышенную, как само Небо, полноту своей природы, и это прозрение давалось как радостное открытие бесконечности человека в самой конечности его существования. Сам Конфуций не устал повторять, что учение дарит человеку самую чистую, самую мудрую радость.

Главное качество благородного мужа, воспитываемое правильным образованием, Конфуций называл «человечностью» (жэнь). Иероглиф «жэнь» состоит из знаков «человек» и «два», т. е. он обозначает отношения между людьми, так сказать, «межчеловеческую» реальность. Впрочем, Конфуций каждый раз определял человечность по-новому. Одному ученику он ответил, что быть человеческим – значит просто «любить людей». В другом случае он разъяснил смысл человечности словами своей знаменитой максимы: «Не делай другому того, чего себе не желаешь». Человечность у Конфуция – не столько сумма, сколько мера всех добродетелей, мера социальности человека, которая дает смысл нравственным ценностям, но не позволяет абсолютизировать их. По Конфуцию, человек сановник, сберегший себя в водоворот дворцовых интриг. Но человечны и древние отшельники, которые уморили себя голодом, протестуя против несправедливой власти. Человечный человек доверчив и радушен, поэтому его легко ввести в заблуждение. Однако именно он «первым распознает обман», ибо не ослеплен теми иллюзиями, которыми пользуются для своей выгоды разные ловкачи.

В сущности, человечность – это путь каждого человека к себе. Она делает человека мостом между тем, что он есть, и тем, чем он должен быть. Человечность, гласит одно из самых поразительных суждений Конфуция, обретается человеком лишь после того, как он «свершит самое трудное в своей жизни». И все же она доступна каждому в каждое мгновение жизни. «Разве человечность далеко от нас? – риторически вопрошал Учитель. – Стоит мне возжелать ее, и она тут же оказывается рядом».

В другом примечательном высказывании Конфуция уточняется отношение морального идеала Учителя Куна к знанию. Это высказывание гласит:

«Знающие радуются водам. Человечные радуются горам. Знающие деятельны, человеческие покойны. Знающие наслаждаются жизнью, человеческие живут долго».

Как видим, даже говоря о человеческом совершенстве, Конфуций не мог отказаться от идеи иерархии и необходимости совершенствования. По его словам, как ни завидна участь «знающих», все же «человечные» стоят выше них, ибо они не просто «знают свое знание», но еще и претворяют его. Знание непостоянно и побуждает нас к действиям, переменам, возможно, поэтому Конфуций уподобляет его водному потоку. Что же касается человечности, то она дарит бесконечно действенный покой и в этом смысле подобна горе. Покой бытийствующего и подвижность познающего, гора и река – две стороны совершенного человека у Конфуция. В единении человечности и знания обретается полнота человеческого бытия.

Конфуций твердо верил в неотразимое воздействие нравственного примера именно потому, что в подлинной добродетели, согласно его учению, собирается вся полнота жизни; собственно, добродетель и есть сила творческого преобразования мира. Добродетельный правитель, по словам Конфуция, будет без усилий повелевать народом, как «ветер пригибает траву». Благородный муж способен исправить нравы даже злобных дикарей. Но сам опыт стяжания добродетели – этого внутреннего совершенства своего бытия – сокровенен и неизъясним, и Конфуций не любил рассуждать о нем, дабы не смущать слишком поспешными обещаниями незрелые умы. «От учителя редко можно было услышать речи о „небесной“ судьбе и природе человека» – гласит запись в «Обсужденных речах». Примечательно, что любимый ученик Конфуция – Янь Юань – имел репутацию молчуна и был к тому же человеком низкого происхождения, даже не помышлявшим о карьере. Впрочем, Конфуций не столько не хотел, сколько именно не мог говорить о «небесной» правде жизни, которая и делает подлинным человеческое существование.

Конфуций говорил, что «его знает только Небо». Он явно давал понять, что каким-то образом открыл в себе опыт или духовные качества тех, кто дал жизнь – для Конфуция вечную жизнь – чжоуской традиции. Несколько отрывочных высказываний Учителя Куна свидетельствуют о том, что он регулярно имел видения (сегодня мы назвали бы их мистическими), в которых общался с творцами Чжоу. Особенно показателен вошедший в предание рассказ о том, как молодой Конфуций учился игре на лютне у придворного музыканта Ши Сяна. При первой их встрече музыкант наиграл Конфуцию некую мелодию, и, когда тот через десять дней исполнил ее, остался доволен учеником и хотел преподавать ему что-нибудь новое.

– Не торопитесь, учитель, – сказал Конфуций. – Я выучил мелодию, но пока не освоил ритм.

Конфуций поупражнялся еще несколько дней и попросил учителя послушать его.

– Теперь ты играешь совсем хорошо, – сказал учитель. – Можно смело браться за другую мелодию.

– Нет, учитель, – снова возразил Конфуций. – Я еще не могу передать настроение песни.

Спустя несколько дней, уловив настроение мелодии, Конфуций заявил учителю, что хочет еще понять, кто сочинил ее. В конце концов он пришел к Ши Сяну и сказал: «Теперь я знаю, кто был человек, сочинивший этот напев. То был муж смуглолицый и высокий, прямо-

таки величественный! Его взор воспарял в недостижимые дали, его дух обнимал все пределы небес. Таким мог быть только достопочтенный царь Вэнь-ван, основоположник дома Чжоу!»

Изумленный учитель поднялся со своего сиденья и отвесил поклон ученику. «Ты угадал! – воскликнул он. – Старейшие из знатоков музыки и вправду говорят, что эту музыку сочинил сам Вэнь-ван!»

Этот рассказ записан в позднейших источниках и едва ли обладает фактической достоверностью. Но как факт традиции он в высшей степени примечателен, ибо с предельной откровенностью указывает на то, что в центре конфуцианского мировоззрения лежал именно опыт «полноты человеческого присутствия в мире», который есть, по сути, опыт творческого самообновления человека, делающий культуру памятником внутреннего, духовного подвижничества. Необязательно наделять этот человеческий идеал чертами физической внешности – недаром рассказ о музыкальной учебе Конфуция пришел из позднейшего, апокрифического предания. Но все же Конфуций предельно выпукло обозначил в своей проповеди тот первый, и важнейший, стимул образования, который немецкий философ М. Шелер назвал «ценностным образцом личности», способным «разъяснять каждому человеку его предназначение, служить для нас мерилom и учить нас познать наши настоящие силы...»¹ Подлинный герой конфуцианской традиции и есть этот «внутренний», «целостный» человек, который прорастает во «всецеловека» бесконечной чередой поколений. Его жизнь – это не сущность, не бытие, а событийность человеческих сердец, общительность каждого сообщения. Знание этого личностного образца неуловимо в понятиях, нефункционально и все же неизменно конкретно, вполне определено. Нельзя быть «человеком вообще»: каждый человек должен быть самим собой. И Конфуций стал первым в истории человечества педагогом, который не только ценил своих учеников за их неповторимые индивидуальные качества, но и провозгласил целью обучения развитие природных задатков учащихся.

Можно представить, сколь наивной и даже смешной в ту эпоху всеобщего разочарования, цинизма и жестокости казалась современникам Конфуция его вера во всепокоряющую силу нравственного примера. Конфуций оказался неудачником в политике. Но помимо внешних успехов, практических знаний и даже «объективных истин» есть еще сам человек, его внутренняя, в долгом пути самопознания вызревающая правда. Конфуций учил этой абсолютной правде человечности в человеке. Человек выше любого мировоззрения, любого принципа. «Не доктрина делает человека великим, а человек делает доктрину великой» – гласит кредо Учителя Куна. Конфуций первым в Китае, да и в целом мире возвестил об этой сокровенной, лишь символически выраженной в культуре правде человеческого сердца. Его неудача в практической деятельности, как ни странно, сделала возможным его выдающийся успех как педагога.

Да, Конфуций не смог, как он мечтал, водворить согласие в мире, по крайней мере, за пределами своей школы. Но, может быть, не менее важно и то, что он заставил людей осознать тщету всякого внешнего делания. В конце жизни, вернувшись после долгих лет странствий на родину, он стал жить «в праздности». Он говорил, что никто из людей его не понял и только Небо «знает его». Он полюбил молчание...

В возрасте семидесяти двух лет Учитель Кун тяжело заболел и понял, что ему пора готовиться к смерти. В его предсмертный час ученики пришли почтить Учителя, облаченные в свои парадные одежды чиновников. Прощание с умиравшим Учителем оказалось похожим на дворцовую аудиенцию. Конфуций не выказал никакой радости – напротив, не на шутку рассердился. «Кого вы хотите обмануть? – вскричал он, обращаясь к ученикам. – Неужто вы думаете, что сможете обмануть Небо?» Слова эти лишний раз напоминают нам о том, что в своей школе Учитель Кун видел интимный и доверительный круг хранителей сокровенной правды традиции, а не место, где учатся будущие министры. Может быть, в последний раз пытался он

¹ Шелер М. *Формы знания и образование* // Человек. 1992. № 5. С. 65.

объяснить тем, кто пришел учиться у него, что всякое дело свершается благодаря неделанию, и глас Учителя мы постигаем в себе, когда для нас замирают все звуки мира. Тогда то, что было своим, становится вселенским, и жизнь, вместившаяся в один миг духовного просветления, свободно изливается в вечность...

Рассмотрев основные понятия и особенности мировоззрения Конфуция, попытаемся теперь ответить на главный вопрос конфуцианской мысли: почему возможна традиция или, говоря другими словами, какова природа реальности, которая не просто существует, а извечно возобновляется, передается в потоке времени? Случайно или нет, но лучший ответ на этот вопрос дает уже начальная фраза «Обсужденных речей»:

«Учиться и во всякое время претворять это – разве не радостно?...»

Эта знаменитая сентенция Конфуция связывает воедино познание, действие и подлинную награду всякого усилия и свершения – душевную радость и удовлетворение. Конечно, читатель волен видеть в словах Конфуция только житейскую мудрость, констатацию обыденного факта: приобрел знания – приложил их к делу – получил удовольствие. Бесхитростное высказывание Конфуция, столь характерное для его «речи, стремящейся к молчанию», не исключает, конечно, и такого наивного прочтения. Но подобный взгляд все же не был бы вполне рационален: он не помог бы понять причину приносимой учением сокровенной и непреходящей радости, которая составляет подлинную тайну Учителя. Тем более не помогает он понять, когда и как следует на практике применять познанное.

Не все так просто обстоит уже с понятием «учения» – первым словом в тексте «Речей...», которое китайские толкователи единодушно считают ключом к пониманию всей книги. Дело в том, что для Учителя Куна, как уже говорилось, приобретение знаний и навыков было только первым и, по сути дела, лишь подготовительным этапом учения. Действительная же цель последнего заключалась в проявлении и правильной артикуляции нравственного сознания в человеке. Недаром Конфуций говорил, что все его наставления «пронизывает одна нить», которую нельзя обрести посредством чтения книг. Правда, нравственное совершенствование невозможно без образцов, каковыми для Учителя Куна, как мы уже знаем, служили деяния мудрецов былых времен. Согласно древним комментаторам, учение и означает «познание образцов былых времен», которое позволяет «осознать и понять себя». Более того, самое слово «учение» в китайском языке изначально родственно понятию «учиться у кого-то», «брать пример с кого-то». В одном из древних толкований говорится о том, что учащийся должен «овладеть своими чувствами и помыслами посредством Пути прежних царей, с тем чтобы он сам пришел к пониманию и отверг заблуждения, принял истину и привел к завершению свою добродетель». Самый авторитетный в эпоху позднего Средневековья комментатор Чжу Си (XII в.) тоже подчеркивает, что учение – это прежде всего «наследование древним правителям». Наследование – чему? Понимание – чего? Явно ошибаются те современные толкователи и переводчики, которые видят здесь только призыв к «подражанию». Последнее просто несовместимо с пониманием, которое всегда дается нам как органическая целостность существования. И сам Конфуций с его проповедью нравственной самостоятельности мудрого и умения «соответствовать обстоятельствам времени», с его готовностью к разумному изменению обычаев менее всего похож на робкого подражателя.

Мы должны говорить именно о наследовании, воспроизведении реальности, которая предваряет, *предвосхищает* все внешние формы; реальности, которая должна быть воспроизведена по ее видимым «следам», подобным отблескам внутреннего света. Как говорится в китайском толковании, цель учения – «возобновить изначальное». Вот почему первая фраза древнего канона (это касается, конечно, не только «Обсужденных речей») имела для китайских книжников особое значение: именно в ней говорилось о том главном, что предшествует всякому предметному знанию и всякому опыту. Поскольку эта истина не есть нечто неподвижно-данное, она никому не принадлежит, а может только передаваться «от сердца к сердцу»

прежде всяких слов и всякого понимания. Сама жизнь просветленного сознания есть не что иное, как это вечное и все же невидное движение от себя к себе.

В подлинно осмысленной речи каждое слово – лишнее. И все же слова необходимы, ибо они выявляют присутствие неизъяснимой правды одухотворенной жизни. Наследование истины становится возможным благодаря записям о деяниях мудрых царей древности. Особенности китайской иероглифической письменности предопределили то обстоятельство, что древние китайцы возводили письменные знаки и заключенный в них смысл не к умозрительным идеям, а к неким первозданным образам вещей – зыбким и летучим, почти неопознаваемым или, говоря языком китайской традиции, «утонченным до неразличимости». То были, по сути, образы неисчерпаемых метаморфоз бытия, вестники чистой качественности или, что то же самое, беспредельной предельности существования. Как воплощение этой силы непрерывного превращения, ускользания вещей от самих себя, они составляли «узор мироздания», вездесущий *декорум* жизни. Так в китайской картине мира воображаемое и действительное, украшение и естество вещей не противостоят друг другу. И человеческие письма – тоже носители этой неопределимой границы между телом и тенью. По преданию, их очертания вторят «следам драконов и змей, звериных когтей и птичьих лап на земле». Так понятие «образа» связывает воедино письменность и, следовательно, культуру с природной данностью жизни. Наследуя древним мудрецам, человек может получить доскональное знание всеобщего порядка мироздания.

Но почему деяния мудрых царей сохранились в истории? Причина в том, что они носили характер *события* в его исконном смысле: речь идет о событии, об обоюдном преображении индивида и его вещественной среды, благодаря которому одно сходится с другим в определенном *типе* ситуации. Эта вечносущая, вознесшаяся над потоком времени ситуация несет на себе печать известного характера, в который возводит себя нравственно возвышенный муж. Обоюдная метаморфоза личности и среды – одновременно среда и средство морального усиления человека – приводит ее составные части к согласию не по их подобию, а по их внутреннему пределу. Иными словами, в этом согласии утверждается одно-единственное отличительное качество каждой вещи, которое составляет внутренний предел ее существования. По этой причине и становится возможной встреча несоизмеримых величин: внутренней глубины духа и внешних обстоятельств события. Помыслы мудрого и окружающая действительность, Небо и Земля смыкаются здесь благодаря тому, что их разделяет. Учение как наследование древней (именно: всему предшествующей) мудрости есть выявление высшей, потенциально бесконечной гармонии мира.

Конфуцианский мудрец не принадлежит к числу «убежденных» ретроградов и тем более к тем псевдообразованным людям, которые, по русской поговорке, «задним умом крепки». Напротив, его призвание – это «каждодневное обновление» (*жи синь*), способность открывать себя безмерности «зияния Небес». Сам Конфуций охотно менял букву обряда, если новшество не противоречило духу ритуального поведения. Скажем больше: сами обряды древних мудрецов, над восстановлением которых из века в век трудились придворные церемониймейстеры Китая, были в действительности лишь плодом импровизации этих книжников. Беда, впрочем, невелика, если учесть, что, как мы только что выяснили, в китайском мирозерцании воображение и действительность не только не исключают друг друга, но и вовсе не различаются. «Понимание», которое добывается учением, вообще не есть сумма знаний. Конфуцианцы не уставали подчеркивать, что истины учения должны быть усвоены учеником так, как воздух и пища усваиваются организмом: они должны стать почти безотчетным побуждением души, своего рода моральным инстинктом. Добродетель – «вторая природа» мудрого. Вот почему знание для Конфуция принципиально неотделимо от деятельности, а по-настоящему образованный человек прямо-таки органично не способен щеголять своей образованностью. Но понимание дает опыт *полноты бытия*. Это значит, что учится в действительности тот, кто расширяет свое

сознание, включая в сферу мировой гармонии все больше явлений жизни, и в конце концов, по слову Мэн-цзы, оказывается способным «вместить в себя весь мир». Таков предел покоя и умиротворенности в человеке.

Посмотрим теперь на проблему учения-претворения во временном плане. Претворение неизбежно свершается во времени. Но в каком времени? Тут мнения толкователей расходятся. Одни из них понимают слова Конфуция так, что претворять учение – значит с полным сознанием делать любое дело, припоминая высказанное по этому поводу наставление знакомого нам Чэн И: «Сиди как сидишь, стой как стоишь». Другие толкуют упомянутое здесь «время» как удобный или благоприятный момент для действия. Оба толкования заставляют задуматься над тем, каким образом сознание может полностью соответствовать «обстоятельствам момента». Отметим для начала, что в китайском языке иероглиф «время» являет собой сочетание знаков «солнце», «земля» и «вершок», то есть имеется в виду длина тени от солнечного гномона и, следовательно, движение солнца со всем многообразием его воздействия, которое оно оказывает на жизнь земледельческого народа. Древние китайские комментаторы поясняют, что в данном случае понятие времени имеет три значения: возраст человека, время года и время суток. В зависимости от возраста ученика, времени года и суток изменяется и содержание его обучения. Таким образом, «обстоятельства времени» определяют и способ «осуществления учения».

Суждения китайских толкователей могут показаться наивными, но они по крайней мере показывают, что время в китайском восприятии всегда обладает определенным качеством и неотделимо от конкретного жизненного опыта. Время в таком случае – это сама сущность становления. Она не сводится ни к умозрительной длительности, ни к конкретному моменту, имеющему чисто практическое и преходящее значение.

Если предмет учения, по Конфуцию, есть единовременное преобразование субъективного и объективного измерений действительности, а цель его состоит в утверждении определенных типов вещей (типов характеров, с одной стороны, и типов ситуаций – с другой), то в конфуцианской картине мира вообще не остается места для каких-либо неизменных субстанций и сущностей. В ней есть только извечная текучесть, чаяния и воспоминания, нечто «уже бывшее» и «еще не бывшее», причем то и другое тяготеет к своему пределу: память погружается в незапамятные глубины прошлого, предвосхищение соскальзывает в невообразимую будущность. В древнейшем конфуцианском трактате «Великое учение» мудростью названо именно умение различать «то, что идет впереди, и то, что идет следом». И в комментарии Чжу Си к рассматриваемой фразе первым делом сообщается, что в «осознании есть предшествующее и есть последующее». Китайские толкователи соотносят эту последовательность с человеческой историей, но ничто не мешает рассматривать ее и как условие самопознания. Иными словами, акт осознания всегда предполагает опознание соприсутствия «другого» и вместе с тем дистанции между двумя моментами собственного становления. Даже традиционная китайская наука не знала природных «явлений вообще», а соотносила всякое явление с двумя измерениями бытия: одно из них «предшествует небесному», а другое – «наследует небесному». Заметим, что после Ницше, учившего о вечном возвращении без повторения, современная философия хорошо уяснила себе тот факт, что именно воспроизведение, соотнесение себя с неким образом является условием новизны. Современная же история со всей наглядностью удостоверяет, что революционные перемены в жизни обществ облекаются в оболочку древних мифов.

Что касается понятия «претворения», то древние толкователи просто отождествляют его с «совершенствованием». Между тем этот иероглиф содержит в себе элемент «крылья», и уже древнейший толковый словарь китайского языка, а вслед за ним Чжу Си уподобляют претворение «неустанным перелетам птицы с места на место» – неожиданный, но по-своему очень точный образ! От «уже бывшего» к «еще не бывшему» нужно, действительно, «перелетать», но речь идет и о преемственности в изменениях, ведь птица, перелетев на новое место, остается

той же самой птицей. Более того, самое различие между двумя отсутствующими предметами – «уже бывшим» и «еще не бывшим» – не имеет объективных характеристик и остается чисто символическим. Оттого же незапамятная древность неотличима от невообразимого будущего, хотя одно несоизмеримо с другим! Время в таком контексте предстает вечно отсутствующим водоразделом между несопоставимыми перспективами жизни. По существу, оно оказывается условием абсолютной конкретности существования и в этом смысле – силой типизации всех типов, предельностью всех пределов, вездесущей паузой, именно посрединностью, ускользающей *целью бытия* (традиционный для китайской мысли образ), которая хранит в себе виртуальную завершенность времени, взятого в качестве Эона, и притом являет собою чистую силу становления. Здесь каждое мгновение оказывается дверью в вечность, началом предвечного Пути. Знаменательный штрих: по мнению некоторых китайских комментаторов, учащийся должен вкладывать все постигнутое им в одну точку «претворения», как птица отдает весь свой вес ветке, на которую садится... Как видим, завет Конфуция всякий час претворять учение не обязательно сводить к плоской назидательности. В нем просматривается апология бесконечной действенности, присутствующей в конечном действии. В позднейшей конфуцианской традиции такое всевременное мгновение стали толковать как «круговорот неуловимой точки духовной просветленности», который пребывает вне пространства и времени и воплощает движение «от себя к себе», некое чистое воздействие или, лучше сказать, чистую действенность, в которой друг друга проникают и замещают присутствующее и отсутствующее, актуальное и потенциальное, воображаемое и реальное. Речь шла, согласно традиционной формуле, о «спонтанном круговороте единого тела всего сущего». Ученый XVI века Ван Цзи уподобляет этот круговорот просветленного духа – одновременно исчезающе малый и необъятно большой – «светящемуся изнутри хрустальному дворцу», в котором становится возможен «сокровенный резонанс» всего сущего. Этот акт мгновенной встречи несходного не имеет формы и не оставляет следов, «подобно полету птицы», и в нем «несуществующее кажется существующим, а существующее – несуществующим». Мы снова встречаемся с образом полета птицы, служащим здесь метафорой абсолютного возобновления, то есть возобновления неповторяемого. Что заставляет вращаться этот круговорот «сокровенного резонанса», предвосхищающий движение всей вселенной? То, *как* бытие есть, сила бытийственности бытия, вечное уклонение бытийственной метаморфозы, само по себе неуклонное. Современный конфуцианский философ Сюн Шили вывел отсюда понятие «малого единства» бытия, которое воплощает чистую качественность момента, но охватывает собою весь мир, не имеет формы, но являет собой лишь «побуждение к обладанию формой», совмещает в себе полную открытость и полную закрытость. Как чистая действенность вне субъекта и объекта, «малое единство» не может быть предметом умозрения, но доступно «аффективному знанию», которое проистекает из импульса первоизданного круговорота Пути, а в повседневной жизни соотносится с динамическим единством нашего жизненного опыта.

Претворение учения – это не факт и не сущность. Свершение, как подсказывает сама семантика этого слова, предполагает совершинность вещей, соотнесенность несоизмеримого. Претворение учения, по Конфуцию, бесконечно превосходит человеческую субъективность, поскольку оно равнозначно непреходящей действенности или действию, охватывающему всевременность Эона. Неподвижность времени-Эона кристаллизуется в типовых качествах ситуации, в запечатленных преданием «обстоятельствах момента». Следовательно, Конфуциево понятие «времени претворения» – это не просто мгновение, одно из многих, а именно *должный момент*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.